

Р. Х. ИСХАКОВ

Российский государственный
профессионально-педагогический университет
г. Екатеринбург

Структурирование сознания как основа успешного воспитания и обучения

Простой лист чистой белой бумаги может многое объяснить нам в части воспитания, перевоспитания и обучения.

Применив методические наглядно-иллюстративные свойства чистого листа бумаги, мы сможем многое понять в обучении и воспитании детей, ответить на многие вопросы, на которые не знали ответа.

Джон Локк написал, что ребенок это «*tabula rasa*» – чистая доска.

Развивая эту мысль, можно сказать, что сознание ребенка – это чистый лист бумаги, на котором может писать кто угодно и что угодно. В основном «пишет» жизнь, одновременно «прикладываются» к написанию руки родителей, близких родственников, знакомых и многих других, кто хотел бы приложиться к воспитанию ребенка.

Почерк может быть внятным, понятным и красивым, а может быть и неразборчивым и некрасивым. Содержание может быть позитивным, а может и негативным. И что делать, если уже написано не то, что нужно? Можно все перечеркнуть, но ведь останется след от перечеркнутого, а это тоже след, но уже «грязный». Можно попробовать стереть, но тогда мы рискуем «стереть» часть сознания. А это чревато последствиями.

Все это связано с сознанием ребенка. Детское сознание – это чистый лист бумаги. И чтобы запись на нем была красивой и разборчивой, его не-

обходимо разлиновать, можно в линейку, а можно и в клеточку, то есть необходимо сознание ребенка отструктурировать.

От степени структурированности сознания ребенка и зависит почти все: *степень обученности и обучаемости, степень воспитанности и воспитуемости.*

И эта концептуальная идея нам поможет понять наглядно-иллюстративные свойства чистого листа бумаги.

Степень воспитанности и воспитуемости

Возьмем чистый лист бумаги. Он будет образно отображать сознание ребенка, практически только что родившегося.

Если ребенок имеет маму, это замечательно и мы это факт присутствия как феномен отображаем, сгибая часть листа (1/6) по вертикали. Материнская линия воспитания проецируется в виде прямой ярко выраженной линии сгиба на бумаге. Если есть папа у этого ребенка, это замечательно, и мы этот факт как феномен позитивного наличия отображаем, сгибая часть листа в той же доле от всего листа (1/6) по вертикали. Отцовская линия воспитания проецируется в виде ярко выраженной прямой линии сгиба на бумаге. Если есть дедушки и бабушки с обеих сторон, это тоже замечательно – как дополнительные феномены озабоченности их в воспитании ребенка. Мы это тоже отображаем, сгибая часть листа (1/6) по вертикали, отдельно для каждой бабушки и для каждого дедушки. Поколенная линия воспитания проецируется в виде дополнительных прямых ярко выраженных четырех линий сгиба на бумаге. Мы спроектировали на образе сознания ребенка вертикальные составляющие феноменов воспитания. Чем больше этих линий-феноменов, тем больше степень структурированности воспитания ребенка как процесса в контексте социентальных родовых связей. Наглядно это проявляется в виде многократно сложенной полоски бумаги.

Очень важна и социальная среда жизнесуществования. Если семья живет в родном доме, то этот факт жизнесуществования можно отобразить

в виде уже горизонтального сгиба на этой полоске бумаги (1/3). Если в семье есть материально-финансовый достаток: папа и мама работают и зарабатывают и тем самым удовлетворяют в полной мере потребности первой социально-жизненной необходимости, – то факт материально-финансового благополучия в семье можно отобразить в виде тоже горизонтального сгиба на полоске бумаге (1/3). Если в семье создана культурно-образовательная среда: есть книги, реализуются совместное посещение театров, музеев и ребенок посещает учреждения дополнительного образования (спортивную секцию, музыкальную школу и т. п.), – то факт культурно-просветительского существования семьи можно отобразить в виде тоже горизонтального сгиба на бумаге (1/3). И если после этих складываний лист развернуть его, то увидим чистый лист бумаги, на котором отображены все линии факторов-феноменов позитивного влияния на ребенка. Лист будет образно отображать четко отструктурированное сознание. И в этих образных ячейках сознания можно привить, сформировать нравственно-этические абсолюты: доброту, уважение, честность, ответственность, сострадание и т. д. И можно констатировать, что у ребенка с таким отструктурированным сознанием степень воспитанности будет достаточно высокой, оно будет восприимчиво к воспитанию, то есть степень воспитуемости тоже будет на должном уровне. И нам не стоит беспокоиться о ребенке с таким сознанием.

А если ребенок сирота, у него нет ни мамы, ни папы, живет в казенном доме (детском доме), его воспитывают чужие, законом приставленные люди. Все это одновременно можно отобразить, скомкав лист бумаги. Жизнь этого ребенка «скомкана», как этот лист бумаги. Скомкано и его сознание. В этой жизни нет красивых, четко выверенных перспективных линий жизни. Формируется изначально какая-то безысходность. Полная «неразбериха» в этих линиях. Кто папа, кто мама, с кем ребенок, в каких условиях живет? Этот «скомканный комочек» наше общество сбрасывает в

«корзину жизни» для мусора. Не все выпускники детских домов успешно устраивают свою жизнь. Не многие могут прервать и разорвать этот замкнутый порочный круг.

О перевоспитании

Подросток, юноша, который попадает в учреждение закрытого типа, имеет «помятое» сознание, как мятый лист бумаги. Его жизненная история зависит от того, какая у него была мама, был ли папа, был ли у него дом, окружали ли другие социально-ценные феномены, необходимые для нормального формирования и развития. Были явно другие, которые и привели к этой безысходной ситуации. Насколько возможно данного малолетнего преступника перевоспитать?

Цель любого перевоспитания как процесса – «разгладить» этот лист сознания с его помятыми линиями. Как бы мы ни старались «разгладить» их, применив инновационные технологии перевоспитания, все же эти изломанные «линии жизни» останутся на листе сознания. Такая бездушная материя, как бумага, обладает уникальным свойством – памятью. А что говорить о такой тонкой материи, как человеческая память?

В свое время А. С. Макаренко попытался изменить концепт процесса перевоспитания в условиях трудовых коммун имени А. М. Горького (1926–1928 гг.) и Ф. Э. Дзержинского (1927–1935 гг.). Опыт был уникальным и к сожалению неповторимым: трем тысячам колонистов он изменил судьбу. Неповторим, потому что личность нельзя тиражировать. А. С. Макаренко был личностью.

В своей системе перевоспитания, мне кажется, он, сам того не подозревая, заложил идею структурирования сознания этих колонистов.

Все колонисты имели «помятые» сознания. Не единожды осужденные, многих должны были расстрелять за убийство и насилие. Нравственно-этические абсолюты полностью утеряны или их вообще не было изначально в сознании малолетних преступников.

В условиях трудовых коммун происходило жесткое структурирование сознания колонистов на основе феноменов. Можно образно, наглядно-иллюстративно показать это на листе бумаги, но взять помятый лист бумаги, который будет отображать «помятое жизнью» сознание колониста.

Какие будем закладывать, а точнее, «загибать на листе бумаги», феномены. А все то, что ввел и применил А. С. Макаренко с целью перевоспитания. Это феномен коллектива, совместного труда, сильную систему абсолютного самоуправления, система параллельного взаимодействия и действия, система перспективных линий и, конечно, влияние личности самого А. С. Макаренко и личностей его сотрудников. Они будут являться вертикальными составляющими структурированного сознания. А горизонтальными составляющими – это наличие у этих «обожженных хулиганством» и «бездомностью» малолетних преступников нормальных условий для жизнесуществования: дом, питание, одежда и культурно-просветительский досуг, система режимных строгих моментов. Все эти феномены проявляются на помятом листе бумаги в виде красиво и четко загнутых линий. А. С. Макаренко стоял в оппозиции по отношению к педологии. Справедливо возражал ее сторонникам, говоря, что «безнаказанность воспитывает хулигана», и считал, что разумно выбранные, умело и редко применяемые наказания, кроме, конечно, телесных, вполне допустимы. Эти линии и формировали сознание колонистов. Если развернуть данный лист, то мы увидим, что «помятое» жизнью сознание колонистов отструктурировано: внутри листа проявляются четкие, выверенные линии. Пусть на мятом листе, но это уже не измятый кусок бумаги, и там видны ясные «линии смысла жизни» колониста. На уровне бессознательного у каждого колониста память о бывшей лихой беспросветной жизни все равно остается, сколько ни «разглаживай» процессом перевоспитания этот «лист бумаги» (сознание колониста), но на уровне сознания эти стихийные, неосознаваемые, порывы были жестко ограничены в рамках сформир-

рованных, отструктурированных ячеек. Они изначально гасились внутри отструктурированного сознания. В них и формировались нравственно-этические абсолюты, такие как любовь к труду, честность, сопереживание, социальность и т. п.

А. С. Макаренко предложил колонистам новую модель поведения, жизнесуществования, он ее аргументировал и доказательно реализовывал в своей системе трудового воспитания через коллектив, с опорой на него. У колонистов произошел процесс замещения одной модели поведения (деструктивной, преследуемой законом) на другую модель (продуктивную, не преследуемую законом).

О степени обучаемости и обученности

Вопрос, продолжительное время являющийся предметом дискуссии: чем должны заниматься семья и дошкольные образовательные учреждения (ДОУ), к чему должны они готовить детей дошкольного возраста? Мне кажется, на этот вопрос я для себя ответил: необходимо структурировать сознание ребенка дошкольного возраста.

Сейчас декларируется на уровне общественного сознания некий стандарт готовности дошкольника-выпускника к обучению в школе. Он должен читать, писать и считать. Эти знания, умения и навыки формируются почти стихийно, накладываются на неподготовленное сознание. Неподготовленное сознание, образно говоря, – помятый лист бумаги. Сознание такого ребенка не отструктурировано, оно не готово формировать внутри себя стройную систему представлений о мире, о себе, о себе в этом мире на основе восприятия учебно-предметных знаний.

Родители и сотрудники ДОУ должны структурировать сознание ребенка. Подобно предыдущему, описанному выше примеру структурирования сознания, необходимо на чистом листе сознания закладывать—«загибать» феномены структурированного сознания. По вертикали типы и виды мышления, по горизонтали – речь, память, воображение. И когда мы

развернем такой лист, то увидим четко отструктурированное сознание ребенка-дошкольника. Ребенок с наличием такого сознания будет готов к обучению в школе. Его сознание готово укладывать системно в свои ячейки те знания, умения и навыки, которые будут преподнесены или родителями, или же самими учителями. Не будет проблемы у ребенка при необходимости воспроизведения этих знаний – сама память ребенка будет знать, где в какой «ячейке» сознания находятся те или знания, ведь они аккуратно положены в эти подготовленные ячейки. Эти знания субъективизированы – они имеют свое место в сознании ребенка, и он может ими воспользоваться в любое время в любой ситуации. В запутанном сознании (образ мятой бумаги) что-либо трудно найти. У данных школьников с таким сознанием проявляются в разной степени признаки «путаного мышления», «слабой сосредоточенности», неразвитости «системного мышления», то есть проблемы со степенью обучаемости и обученности. Школа в большей степени занимается структурированием сознания детей после детского сада.

Простой чистый лист белой бумаги наглядно-иллюстративно ответил на ряд очень важных вопросов дискуссионного характера. Насколько данный образ, представляющий человеческое сознание, научно тождествен реальной, истинной психологической практике? Однако данный методический прием предлагает другие ориентиры и концепты, затрагивающие воспитание, перевоспитание и обучение, ибо воспитание – категория вечная, бесконечная и неуловимая.

Литература

1. *Крайг Г.* Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум. – 9-е изд. – Санкт-Петербург : Питер, 2010.
2. *Макаренко А. С.* Избранные педагогические сочинения : в 2 томах / А. С. Макаренко. – Москва : Просвещение, 1978.